

С. А. СЕМЯЧКО

**Круг агиографических памятников,
посвященных Анне Кашинской.
II. Агиографический цикл¹**

Продолжая исследование агиографических памятников, посвященных святой благоверной княгине Анне Кашинской, обратимся теперь к агиографическому циклу, достаточно широко распространенному,² привлекая к себе немалое внимание читателей и исследователей и вызвавшему серьезные споры. Этот цикл включает в себя Житие Анны Кашинской, Повесть о явлении Анны Кашинской пономарю Герасиму, статью об обретении мощей Анны Кашинской, Слово о перенесении мощей, Повесть о чудесах Анны Кашинской и сами чудеса. Именно эти произведения и рассматривала следственная комиссия в 1677 г. по рукописи, хранящейся ныне в ГИМ (Синод. собр., № 622). На следствии были высказаны две точки зрения по поводу Жития Анны Кашинской. Одной придерживались кашинские священнослужители, которые и были инициаторами прославления благоверной княгини. Приведу ее со слов одного из главных действующих лиц этой истории дьякона Никифора: «А житие ея слогаи и писал Соловецкаго монастыря старец Игнатей, по велѣнию того ж монастыря уставщика старца Никодима, по ево, Никифорову, челобитью, для того что приезжают, де, во град Кашин ко гробу благовѣрные великие княгини Анны многие богомолцы, а жития ея у них в Кашине нѣтъ и показать нѣчего. А сказывал ему житие ея он, Никифор, про што вѣдал и слышал. А он, де, сыскал и у себя в Степенной книге, что она благовѣрного великого князя Михаила Тверскаго супружница великая княгиня Анна. А житие, де, еѣ слагали онѣ и писали по своему разуму, и Степенной книги, и по ево, Никифоровым, словам, что он имъ про житие ея сказывал. А вынес, де, он, Никифор, то житие с собою ис Соловецкаго монастыря в то время, какъ переносили мощи Филипа митрополита ис того Соловецкаго монастыря в царствующий град Москву».³

¹ Продолжение. Начало см.: Семячко С. А. Круг агиографических памятников, посвященных Анне Кашинской. I. Сказание об обретении и перенесении мощей // ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. 50. С. 531—536 (далее — Семячко 1996).

² Сейчас нам пока известно 12 списков агиографического цикла разной степени сохранности. Археографический обзор этих списков будет предложен в одной из последующих статей.

³ РНБ, собр. Погодина, № 1608, л. 16 об.—17. Рукопись, по которой мы цитируем материалы следственного дела, принадлежала одному из участников собора 1677 г. архимандрит-

Следственная комиссия придерживалась другой точки зрения: «А в Степенной книге и в лѣтописныхъ про житие благовѣрные княгини тако не обрѣтаются, а его, Никифоровымъ, баснемъ вѣрити нѣчему».⁴ И вывод: «...Житие великия княгини и о чудесѣхъ списание оставити за недостовѣрное ихъ и упразднити я до времени великаго собора всѣхъ архiereевъ и до подлинного извѣщения, егда аще чимъ вперед Богъ объявитъ и утвердитъ. Понеже нынѣ обрѣтошася многая несходства в житии ея с книгами летописными и степенными».⁵

Все последующие исследователи Жития фактически разделились на две группы.⁶ Одни верили дьякону Никифору и высказывались за раннее создание Жития (до лета 1652 г.), пытаясь при этом определить, какой Игнатий был причастен к созданию Жития. В качестве возможного автора называли Игнатия Соловецкого,⁷ в будущем видного деятеля старообрядческого движения, или соловецкого инока Игнатия, в будущем митрополита Сибирского и Тобольского.⁸ Другие были склонны приписывать сочинение Жития самому Никифору и его родственникам. И в этом случае создание Жития могло быть отнесено и к несколько более позднему времени, лет на 20—25 вперед. Так одной из последних и наиболее аргументированных была точка зрения В. А. Кучкина, доказывавшего, что агиографический цикл был написан Никифором в 1675—1676 гг.

Обратимся теперь к аргументации исследователя. Он пишет: «В житии Анны Кашинской сделана прямая ссылка на Повесть (т. е. Житие Михаила Ярославича Тверского. — С С): „хотяи же увѣдети о семь, да прочтет житие и страдание блаженнаго и великаго князя Михаила“. Слова „житие и страдание“ имеет в заголовке единственная редакция Повести — вторая редакция 50-х годов XVII в.: „Житие и страдание блаженнаго страдалца великаго князя Михаила Ярославича, тверскаго чудотворца“. В тексте жития Анны Кашинской есть эпизоды, характерные только для Повести о Михаиле Тверском во второй редакции XVII в.: рассказано о нищелюбии Михаила в юности и о плаче Анны над телом мужа. После описания убийства тверского князя в житии Анны Кашинской сообщается, что Михаил „течение скончав и вѣру соблюде в лѣто 6827-е мѣсяца ноемрия в 22 день“. Лишь во второй редакции XVII в. Повести о Михаиле непосредственно за рассказом о гибели князя следует

ту Чудова монастыря Павлу Материалы следствия неоднократно публиковались, публикации указаны в предыдущей статье исследования

⁴ РНБ, собр Погодина, № 1608, л 4 об

⁵ Там же, л 4 об — 5

⁶ Обзор основной литературы см в статье Белоброва О А Житие Анны Кашинской // Словарь книжников Вып 3, ч 1 С 330—331

⁷ Такое предположение было выдвинуто Н К Никольским (см Никольский Н Сочинения соловецкого инока Герасима Фирсова по неизданным текстам (К истории севернорусской литературы XVII века) СПб, 1916 С XXVIII—XXX (ПДПИ Вып 188)) и приведено Н Ю Бубновым в качестве положения, требующего более основательных доказательств (см Бубнов Н Ю Неизвестная челобитная дьякона Игнатия Соловецкого царю Федору Алексеевичу // Рукописное наследие Древней Руси по материалам Пушкинского Дома Л, 1972 С 93—94)

⁸ Впервые об этом написал И А Шляпкин (см Шляпкин И А Св Димитрий Ростовский и его время (1651—1709 г) СПб, 1891 С 169), основываясь всего лишь на приведенной выше цитате из материалов следствия, опубликованной А Ф Бычковым при описании рукописи архимандрита Павла (Бычков А Ф Описание церковнославянских и русских рукописных сборников имп Публичной библиотеки СПб, 1882 Ч 1 С 147) Эта точка зрения нашла своих последователей в лице Н А Дворецкой (см Дворецкая Н А Послание митрополита Игнатия в Красноярск 1697 г // Археография и источниковедение Сибири Новосибирск, 1975 С 168) и А П Богданова (см Белоброва О А, Богданов А П Игнатий (в миру Иван Степанович Римский-Корсаков) // Словарь книжников Вып 3, ч 2 С 29—30), впоследствии от нее отказавшегося (см Богданов А П Творческое наследие Игнатия Римского Корсакова // Герменевтика древнерусской литературы М, 1993 Сб 6, ч 1 С 171)

указание на год его смерти. Во всех других редакциях Повести дата помещается в начале текста». ⁹ Создание же второй редакции XVII в. В. А. Кучкин относил к времени между 26 июля 1657 г. и 10 июля 1658 г. ¹⁰ Это первый аргумент исследователя в пользу поздней датировки Жития Анны Кашинской. Вторым аргументом В. А. Кучкина стало утверждение, что весь цикл создавался одновременно и одним автором. В подтверждение этому он находит в статье об обретении мощей ссылку на то, что ее автор написал Повесть о явлении Анны Кашинской пономарю Герасиму, и ссылку на Слово о перенесении мощей. Слово о перенесении мощей В. А. Кучкин, опираясь на титулатуру царя («государь царь и великий князь всея Великия и Малая и Белья России самодержец»), датирует временем после августа 1655 г., а чудеса — временем после 1674 г. И на этом основании он утверждает, что «весь сборник, посвященный Анне Кашинской, следует считать составленным после 1674 г., скорее всего, в 1675—1676 гг.». ¹¹

Однако все не так просто, как кажется В. А. Кучкину, и взаимоотношения между Житием Анны Кашинской и Житием Михаила Ярославича Тверского далеко не столь однозначны. Обратим внимание на то, что если в Слове о перенесении мощей Алексей Михайлович действительно именуется «государем царем и великим князем всея Великия и Малая и Белья России самодержцем», что указывает на создание этого текста после августа 1655 г., то в статье об обретении мощей титул царя — «благочестивый князь Алексей Михайлович всея Руси самодержец» ¹² или «государь царь и великий князь Алексей Михайлович всея Руси самодержец», ¹³ что говорит о написании этого текста до августа 1655 г. Что касается указанного В. А. Кучкиным фрагмента из статьи об обретении мощей («И яко же преждеваривше рѣхом... явився гробъ благовѣрных княгини инокини Анны поверху земли»), ¹⁴ то он бесспорно указывает на написание этих текстов одним лицом («рѣхом» — 1-е лицо). Однако ссылка в Житии на Слово о перенесении мощей мне кажется сомнительной. В. А. Кучкин привел цитату из той же статьи об обретении мощей: «...яко же в перенесении честныхъ и многоцѣлебныхъ мощей преподобныя и богочлаженныя великия княгини инокини Анны написася о семь». ¹⁵ Глагол «написася» (страдательный залог, 2—3-е лицо аориста) не позволяет говорить о создании этих двух текстов одним автором. Создается впечатление, что автор статьи об обретении мощей ссылается на некий посторонний текст. Такой текст существовал, это описанное ранее Сказание об обретении и перенесении мощей Анны Кашинской. ¹⁶ Мысль о том, что первые три текста агнографического цикла были созданы ранее остальных, была впервые высказана А. А. Титовым, ¹⁷ опубликовавшим

⁹ Кучкин В. А. Повести о Михаиле Тверском: Историко-текстологическое исследование. М., 1974. С. 270.

¹⁰ Там же. С. 198.

¹¹ Там же. С. 271.

¹² Житие Анны Кашинской по Синодальной рукописи XVII в. (с предисловием Ан. Титова). Б. м., б. г. [1909]. С. 33. Я намеренно обращаюсь к тому же списку, что и В. А. Кучкин (издание А. А. Титова выполнено по рукописи ГИМ, Синодальное собр., № 622).

¹³ Житие Анны Кашинской по Синодальной рукописи XVII в. С. 35, 36, 38.

¹⁴ Кучкин В. А. Повести о Михаиле Тверском. С. 271. Ср.: Житие Анны Кашинской по Синодальной рукописи XVII в. С. 34.

¹⁵ Кучкин В. А. Повести о Михаиле Тверском. С. 271. Ср.: Житие Анны Кашинской по Синодальной рукописи XVII в. С. 39.

¹⁶ См.: Семьячко 1996. С. 531—537.

¹⁷ «Перенесении и чудеса описаны отдельно от жития и, по-видимому, другим автором „самовидцемъ бывшимъ чудесямъ ся, писанию же предати замедлившимъ“» (Житие Анны Кашинской по Синодальной рукописи XVII в. С. II).

только эти первые три текста. Версию о бытовании цикла из трех памятников подтверждает рукопись БАН, П.І.А.48. Именно эту рукопись связывают с именем Игнатия, митрополита Тобольского. Содержащийся в этой рукописи цикл состоит из Жития, Повести о явлении Анны пономарю Герасиму, статьи об обретении мощей и 11 чудес. Рукопись эта датируется годами царствования Феодора Алексеевича (1676—1682), поскольку его имя проставлено везде вместо имярек в Службе на перенесение мощей Анны Кашинской, которая переписана перед агиографическим циклом. В самом же агиографическом цикле просматривается два хронологических пласта, свидетельствующих о том, что эта рукопись явно не первоначальная. Первый пласт — это житие, повесть о явлении и статья об обретении мощей. Второй, более поздний — чудеса: в их общем заголовке Алексей Михайлович титулуется самодержцем «Великия и Малыя и Бѣлыя» России и последнее чудо датируется 1663 г. На вопросе о возможном авторстве Игнатия, митрополита Тобольского, мы остановимся далее, сейчас же отметим, что на раннем этапе агиографический цикл, посвященный Анне Кашинской, состоял из трех текстов: жития, повести о видении Анны пономарю Герасиму и статьи об обретении мощей.

Итак, Житие Анны Кашинской было создано до августа, а точнее, до осени 1655 г., названная же В. А. Кучкиным в качестве источника редакция Жития Михаила Ярославича — в 1657—1658 гг., и датировка ее кажется мне неоспоримой. Совершенно очевидно, что эта редакция Жития Михаила Ярославича (В. А. Кучкин называет ее II редакция XVII в.) не может быть источником Жития Анны Кашинской.

Но тем не менее все указанные В. А. Кучкиным признаки родства этих текстов, кроме, может быть, плача, бесспорны. Плачи Анны над телом мужа в Житии Михаила Ярославича II редакции XVII в. и в Житии Анны Кашинской не имеют практически ничего общего между собой. Они отличаются как по объему (в Житии Михаила Ярославича плач Анны в несколько раз больше, чем в Житии Анны Кашинской), так и по форме и содержанию. В Житии Михаила это традиционный плач жены по погибшему мужу, в Житии Анны это плач-прославление, плач-молитва. Думаю, что плач в указанной В. А. Кучкиным редакции Жития Михаила Ярославича нельзя считать источником плача в Житии Анны Кашинской. Каковы вообще взаимоотношения этих двух житий? Ни в коем случае нельзя сказать, что Житие Анны списывалось с Жития Михаила. В Житии Михаила всего лишь сообщается о том, что жена проводила его, когда он отправлялся в Орду, и оплакала его, когда его тело было доставлено в Тверь. Каждый из этих случаев в Житии Анны Кашинской превращается в самостоятельную картину. К тому же в других случаях, там, где в Житии Михаила Ярославича Анна и не упоминается, в Житии Анны Кашинской оказываются пространные диалоги Михаила и Анны, при совершении Михаилом любого действия Анна изображается помощницей, советчицей. Логика отношений этих двух житий такова, что для того чтобы в Житии Анны Кашинской появился плач, наличие такого плача в Житии Михаила Ярославича вовсе не обязательно, достаточно упоминания, что Анна оплакала своего супруга.

Вернемся к тому, что все остальные признаки родства этих житий, указанные В. А. Кучкиным, имеют место. Какова же связь между этими текстами?

Ответить на этот вопрос помогает именно работа В. А. Кучкина. В Житии Анны Кашинской Житие Михаила Ярославича названо «житием и страданием». До XVII в. Житие Михаила Ярославича «житием» не на-

зывалось. «Убиение», «мучение», «страдание», но не «житие». Однако утверждать, что только одна редакция, II редакция XVII в., называется «житие и страдание», я бы не стала. В. А. Кучкин выделяет две редакции XVII в. Вся сложность в том, что I редакция, созданная, как показал исследователь, чуть раньше второй тем же автором,¹⁸ сохранилась в одном дефектном списке. Ее начало до нас не дошло, но опять же, как показал сам В. А. Кучкин, судя по косвенным признакам, она тоже называлась «житием».¹⁹ Обе эти редакции восходят к одному источнику, тексту, созданному после перенесения мощей Михаила Ярославича 30 сентября 1654 г., по мнению В. А. Кучкина, тем же автором.²⁰ Т. е. две сохранившиеся редакции и не дошедший до нас их общий источник представляют собой различные этапы работы одного и того же человека. Я склонна полагать, что уже этот общий источник двух известных нам текстов назывался «житием и страданием». Хронологически Житие Анны Кашинской не может восходить ни к I, ни ко II редакции XVII в., оно может быть соотносимо только с их источником. Таким образом, мы можем более точно определить временные рамки создания и этого, не дошедшего до нас, источника, и известного нам Жития Анны Кашинской. Оба эти текста, сначала Житие Михаила Ярославича, а потом и Житие его супруги Анны Кашинской, были написаны в пределах одного года — после 30 сентября 1654 г., времени перенесения мощей Михаила Ярославича, о чем говорится в житии этого князя, и до конца августа 1655 г., когда изменился титул царя Алексея Михайловича, зафиксированный в рассказе об обретении мощей Анны Кашинской.

Но в действительности картина еще более сложная. Дело в том что эти выводы расходятся с показаниями дьякона Никифора и его отца Василия-Варлаама на следствии 1677 г., которые утверждали, что Житие Анны Кашинской было привезено летом 1652 г. из Соловецкого монастыря. Трудно предположить, чтобы два священнослужителя перед собором, возглавляемым патриархом, поклявшись на Евангелии, а это зафиксировано в материалах следственного дела,²¹ лгали. Кроме того, мы располагаем текстом раннего, созданного московским, а не кашинским автором, Сказания об обретении и перенесении мощей Анны Кашинской. И показания Никифора и Василия-Варлаама, как было продемонстрировано в предыдущей работе,²² в подавляющем большинстве случаев совпадают с тем, что зафиксировано этим Сказанием. Да и упомянутый Никифором старец Никодим — реально существовавшее в то время лицо, человек, действительно бывший уставщиком (типикарисом) и причастный к литературной работе.²³

Кроме того, если Житие Анны Кашинской создавалось полностью на основе Жития Михаила Ярославича Тверского, причем в данном случае неважно, была ли это II редакция XVII в., как полагал В. А. Кучкин, или ее протограф, как думаю я, трудно объяснить такую странность: автор Жития Анны Кашинской переписывает из Жития Михаила Ярославича Тверского дату смерти Михаила, сохраняя при этом конструкцию фразы, и в то же время в его текст попадают странные ошибки. В

¹⁸ Кучкин В. А. Повести о Михаиле Тверском. С. 187, 201—202.

¹⁹ Там же. С. 187—188.

²⁰ Там же. С. 202—204.

²¹ В материалах следственного дела неоднократно указывается, что свидетели говорили «по евангельской заповеди Господни» (см.: РНБ, собр. Погодина, № 1608, л. 7 об., 10).

²² Семячко 1996.

²³ См. о нем: Белоброва О. А. «Повесть душеполезна» Никодима типикариси Соловецкого о некоем брате // ТОДРЛ. М.; Л., 1965. Т. 21. С. 200—210.

качестве примера можно привести такой эпизод, кстати, отмеченный и следственной комиссией. В Житии Михаила Ярославича Тверского говорится, что князь Михаил был зарезан ножом, причем автор подчеркивает, что его зарезал не татарин, а русский, и не просто зарезал, а вырезал его сердце. В Житии же Анны Кашинской просто сообщается, что князя Михаила закололи мечом. Странно было бы полагать, что автор Жития Анны Кашинской, с одной стороны, почти буквально переписывает одну фразу и дает точную ссылку на источник, а с другой стороны, вместо яркой и значимой сцены помещает нечто странное и не имеющее ничего общего с источником.

Думаю, что создание Жития Анны Кашинской можно представить следующим образом.

В Соловецком монастыре был создан некий первоначальный текст, которым мы сейчас не располагаем. Его источником была Степенная книга. Обратим внимание на уже приводившиеся слова Никифора: «А он... сыскал и у себя в Степенной книге, что она благовѣрного великого князя Михаила Тверскаго супружница великая княгиня Анна». Т. е. из Степенной книги некий соловецкий инок Игнатий выяснил, кто такая Анна. В тексте Жития Михаила Ярославича Тверского в Степенной книге при описании тех или иных событий не указаны годы, только дни. Так что первоначальный текст Жития Анны Кашинской должен был быть также без точных дат. Кроме того, можно предположить, что обращение автора Жития Анны Кашинской к тексту Степенной книги было однократным, перед началом работы. Т. е. автор не «списывал» Житие Анны с Жития Михаила, а лишь выяснил основные события. Только так можно объяснить те разночтения между текстами двух житий, которые отметила следственная комиссия.

Этот текст Жития Анны Кашинской впоследствии был отредактирован, скорее всего, уже в Кашине, в него была вставлена точная дата смерти Михаила Ярославича и при этом дана ссылка на источник. Обратим внимание, в Житии говорится: «Хотяи же увѣдти о семь, да прочтеть Житие и страдание блаженнаго и великаго князя Михаила, како подвизався добрымъ своимъ самовольнымъ званиемъ, еже о имени Господа нашего Иисуса Христа, и колико отъ беззаконнаго и нечестиваго царя и его боярь, паче же отъ треклятаго и звѣрообразнаго варвара Кавгадыя приять поношения и уничижения, биения и досады, и различныхъ томлени, и озлоблени, последи же блаженную кончину приять, мечемъ усѣкновень бысть, и тако мучения вѣнцемъ увязеся, добрымъ подвигомъ подвизався, течение скончав и вѣру соблюде въ лѣто 6827 мѣсяца ноембрия въ 22 день».²⁴ В этом фрагменте речь идет о том, где можно узнать подробности о жизни и кончине Михаила Ярославича и откуда взята дата его смерти. Таким образом, здесь указан текст, по которому отредактировано Житие Анны Кашинской, т. е. источник I и II редакций XVII в. Жития Михаила Ярославича, который был создан, вероятно, вскоре после перенесения мощей князя Михаила 30 сентября 1654 г. Отметим, что при этой редакции не были устранены расхождения между текстами двух житий.

Вернемся к ранней истории агиографического цикла. Вместе с текстом Жития Анны в Соловецком монастыре, скорее всего, были записаны и Повесть о явлении Анны Кашинской пономарю Герасиму, и статья об обретении мощей, записаны тем же иноком Игнатием со слов дьякона

²⁴ Житие Анны Кашинской по Синодальной рукописи XVII в. С. 14. В цитате изменена пунктуация, разбивка на слова, буква і заменена на и.

Никифора. Никифор сказал: «А житие... еѣ слагали онѣ и писали по своему разуму, и Степенной книги, и по ево, Никифоровым, словам». Собственно про житие Анны Никифор ничего рассказать не мог, до поездки в Соловецкий монастырь он даже не знал, кто она такая. Рассказал Никифор, скорее всего, как раз о первом явлении Анны и об обретении ее мощей. В Кашине хранителем рассказа о явлении Анны пономарю Герасиму был Василий-Варлаам. Вот что он показал на следствии 1677 г.: «И в прошлом, де, году, а в котором, того не упомянут, в приход литовских людей, Кашин город был в осаде, и в то осадное время при отце ево, Варлаамове, при попѣ Василье явилась благовѣрная великая княгиня Анна Кашинская Успенского ж собору понамарю Герасиму во сновидѣнии. А он же, понамарь, в то время лежал великою болезнью близ смерти. А в явлении, де, ему благовѣрная великая княгиня Анна велѣла о себѣ возвестить священнику, чтоб над гробом ея перед образом Спасовымъ нерукотворенного свечи палили и литии пѣли, и гроб ея почитали, и на гробнице ея не садились и шапокъ не клали. А она, де, благовѣрная княгиня, молить всемилостиваго Спаса и пресвятую Богородицу о избавлении града сего от иноплемныхъ. И понамарь, де, Герасимъ того видѣния священнику не извѣстил, помнѣл, что то неистинно. И она, де, благовѣрная великая княгиня Анна, явилася ему ж, понамарю Герасиму, после того вскоре во сновидѣнии ж второе. И он, де, понамарь Герасимъ, по втором явлении ево, Варлаамову, отцу священнику Василью извѣстил и от бользни своей оздравел. И отецъ, де, ево, Варлаамов, священникъ Василей про то видѣние людемъ возвещал и приказъ дал, чтоб гроб ея, великия княгини, почитали, на нем бы не садились и шапокъ не клали. А он, де, старецъ Варламъ, в то время был дьякономъ».²⁵ Этот рассказ несколько расходится с тем, что сохранилось в составе агнографического цикла. В Повести о явлении княгини Анны пономарю Герасиму указана дата, когда произошло это событие: «Прешедшимъ убо многимъ лѣтомъ по успении блаженныя и великия княгини Анны, яко двѣсти и четьредѣсять и три лѣта, в неже время всещедрый Богъ благостию своею явить намъ источникъ неисчерпаемый, гробъ знаменосныя матере и великия княгини Анны. И по явлении томъ невѣдомъ бѣ и небрегомъ святѣй гробъ ея, зане сущу времени тогда въ Российскомъ государствѣ нестройну бывшу, отъ нашествия богомерзкихъ, латинския ереси восприемниковъ, литовскихъ людей, якоже лѣтописныя книги повѣствуютъ. Царствующу бо тогда въ Московскомъ государствѣ и скипетры Российскаго царства правяшу царю Василию».²⁶ Очевидно, что в этом фрагменте речь идет о Смутном времени. И хотя в Житии Анны Кашинской год ее смерти указан как 6846 (1338), думаю, что отсчет следует вести от указанного в летописях в качестве года смерти благовѣрной княгини 1368 г.²⁷ Таким образом у нас получится 1611 г. Если сравнивать этот текст с показа-

²⁵ РНБ, собр. Погодина, № 1608, л. 10—11 об.

²⁶ Житие Анны Кашинской по Синодальной рукописи XVII в. С. 29—30.

²⁷ Год смерти Анны Кашинской был также предметом обсуждения следственной комиссии, и в сборном определении дата «1338 год» была отмечена как сомнительная: «7 несогласие. В житии: преставися преподобная великая княгиня Анна в лѣто 6846. А в лѣтописцахъ: въ лѣто 6866 еще жива быше великая княгиня Софиа (иноческое имя Анны. — С. С.) и живяше в Софинѣ монастырь [А про Софинъ монастырь сказываетъ преосвященный Иосифъ митрополить, что стоит у Тѣри, а не в Кашинѣ], а преставися в лѣто 6876. А гдѣ преставися, во Тѣри или в Кашинѣ, и в кое число, — того в лѣтописцахъ не написано, а откуда числа преставления в житии написаны, того не сыскано» (РНБ, собр. Погодина, № 1608, л. 3). Давно уже было высказано мнение, которого придерживаюсь и я, что дата, указанная в Житии Анны, — результат описки в одной цифре (см. об этом, например: Колосов В. И. Благовѣрная княгиня Анна Кашинская // Труды 2-го областного Тверского археологического съезда. Тверь, 1904. С. 87—88).

ниями Василия-Варлаама на следствии, то становится очевидной его вторичность. Видно, что первоначальный рассказ был подвергнут сверке с летописями и на их основании была выведена дата. Очевидно также, что в том тексте Жития, который имел в виду автор, говоря о времени смерти княгини Анны, стояла иная дата, нежели в дошедших до нас списках. Скорее всего, в первоначальном тексте, составленном на Соловках, был указан 1368 г., а описка случилась, когда цикл был подвергнут редакции в Кашине. Как уже было отмечено, в Житии эта редакция, по сути, свелась к вставке даты и ссылки на ее источник.

Между текстом Повести о явлении Анны Кашинской пономарю Герасиму и рассказом Василия-Варлаама об этом событии на следствии 1677 г. есть еще ряд существенных различий. Если Василий-Варлаам говорил о двух явлениях Анны Герасиму, то в Повести все выглядит несколько проще: «Тогда гробъ великия княгини Анны обрѣтесе на верху земли, и людие же воиньстии, иже во градѣ томъ учинении бяху на сохранение града, приходяще во храмъ Пресвятыя Богородицы помолитися и отъ невѣдѣния полагаху шапки свои на гробъ блаженныя, инии же неразумнии и саждахуся, мняше быти гробу просту, и никакоже помышляху, кого нетлѣнию причастна быти въ немъ и сущую во градѣ заступницу. <...> Является преподобная и богоблаженная и великая княгиня Анна, въ величѣмъ иночествѣ образѣ одѣяна, пономарю церкви Пресвятыя Богородицы, именемъ Герасиму, емуже тогда въ величѣ болѣзни бывшу и весьма ко вратомъ смертнымъ приближающуся и отнюдь неначаему живу быти. И явлениемъ своимъ исцѣление ему подаде и здрава его сотворила. Та же повѣдаетъ ему о себѣ, кто бѣ. Потомъ, поношая имъ о неразумии ихъ, сице глаголетъ: и почто, рече, гробъ мой ни во что же вмѣняете, и мене презираете, и яко просту помышляете гробу быти? Не видите ли людей приходящихъ и шапки свои пометающихъ на гробъ мой и садящихся, понеже отъ васъ невозбранями бывають, и отнюдь небрегома бѣ отъ васъ и преобидима, и нѣсть разумѣвающаго въ васъ? И доколѣ тако быти ми отъ васъ попираемъ ногами, или не вѣсте, яко молю всемилостиваго Бога и Того рождѣшую Матерь Пресвятую Богородицу, дабы не преданъ былъ градъ сей въ руки врагъ вашихъ, и многихъ пакостей, находящихся на вы, соблюдаю васъ? И понеже се въ невѣдѣнии твористе, обаче нынѣ не мози, человекѣ, послушатися моихъ словесъ, да не горша сихъ постражеши. Но иди ко пресвитеру сея церкви и ко всему причту, и повѣждь имъ вся сия реченная отъ мене: яко дабы отселъ гробъ мой честнѣ имѣли и приходящимъ бы възбраняли садитися на нь, и шапки класть не велѣли, и свѣцу бы есте возжегли на гробѣ моемъ предъ Нерукотвореннымъ образомъ Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. Той же пономарь отъ видѣния въ себѣ бывъ и скорому премѣнению, еже отъ болѣзни здрава себе видѣвъ, вельми дивляшеся и Бога прославляше, яко безчисленное богатство благодати своея открылъ есть и отъ вратъ смертныхъ возведе, и великую княгиню Анну немолчными усты похваляше. Таже нимало замедливъ, бояся прещения, но скоро приходитъ ко пресвитеру и съ нимъ всему причту тоя церкви повѣдаетъ вся реченная отъ преподобныя...»²⁸ Различия между показаниями Василия-Варлаама и Повестью легко объяснимы, если принять ту точку зрения, что Повесть писалась в Соловецком монастыре со слов не Василия-Варлаама, а его сына Никифора. Кашинское происхождение этого текста кажется мне невероятным, в этом случае нет никаких объ-

²⁸ Житие Анны Кашинской по Синодальной рукописи XVII в. С. 31—32.

яснений расхождению между показаниями жившего все время в Кашине современника происшедшей истории и ее письменным вариантом.

Цикл, созданный в Соловецком монастыре, на наш взгляд, включал и статью об обретении мощей Анны Кашинской. Как справедливо отметил В. А. Кучкин, Повесть о явлении Анны Кашинской пономарю Герасиму и статья об обретении мощей княгини Анны написаны одним человеком. Когда создавался список БАН, П.І.А.48, в составе цикла не было еще ни Слова о перенесении мощей Анны Кашинской, ни Повести о ее чудесах. Остановимся на этом списке. Поскольку текст, который он содержит, — это текст, уже отредактированный, и к тому же в Повести о явлении княгини Анны пономарю Герасиму есть некоторые утраты,²⁹ создателя этого списка, будь это Игнатий (Римский-Корсаков)³⁰ или кто-то другой, нельзя считать автором агиографического цикла или одного лишь Жития Анны Кашинской.

Особый вопрос заключается в том, входили ли в состав первоначального цикла чудеса от гроба Анны Кашинской. Вряд ли на него можно ответить утвердительно, так как, судя по заголовку чудес в списке БАН, П.І.А.48,³¹ они были приписаны к ранее существовавшему циклу и, возможно, современны списку.

Как уже было отмечено, Слово о перенесении мощей Анны Кашинской и Повесть о чудесах вошли в состав агиографического цикла позднее. Обратимся к тексту Слова о перенесении мощей. Если мы сравним его с ранним Сказанием об обретении и перенесении мощей Анны Кашинской и показаниями кашинских священнослужителей на следствии 1677 г., то увидим одно весьма важное несоответствие. В Слове о перенесении мощей описывается весьма замечательный случай, нигде более не упоминающийся. Якобы при перенесении мощей, в тот момент, когда процессия уже вошла на паперть Воскресенского собора, гроб с мощами княгини Анны вдруг стал неподъемным, и только после молитвы Анне Кашинской и обещания вернуть ее мощи на прежнее место после восстановления Успенской церкви удалось внести гроб в собор. Странно, что о таком удивительном случае не написал автор Сказания об обретении и перенесении мощей, бывший очевидцем этой процессии.³² Что касается свидетельских показаний, то, говоря о перенесении мощей, Василий-Варлаам упомянул, что во время процессии произошло чудо: «...было от гроба великие княгини Анны исцеление кашинского губного старосты Петра Скобѣва снохѣ ево Анне от бесноватые болѣзни»,³³ — и при этом ни словом не обмолвился о чуде, описанном в Слове о перенесении мощей. Думаю, что чудо с гробом Анны Кашинской — плод фантазии автора Слова о перенесении мощей, и появилось оно далеко не случайно.

В связи с этим возникает необходимость привести два текста. Первый — это фрагмент Слова о перенесении мощей.

²⁹ Об изменении текста агиографического цикла речь пойдет в одной из последующих статей.

³⁰ Л. Б. Воронова не рассматривает список БАН, П.І.А.48 ни среди списков произведений Игнатия (Римского-Корсакова), ни среди его автографов (см.: Воронова Л. Б. Археографический обзор списков сочинений Игнатия Римского-Корсакова // Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России. Новосибирск, 1984. С. 185—210).

³¹ «158 года июля въ 10 день, при державѣ великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росии самодержца. Чюдеса святаго преподобнаго благовѣрнаго великия княгини Анны Кашинския чудотворицы» (БАН, П.І.А.48, л. 126 об.).

³² Об авторе Сказания об обретении и перенесении мощей см.: Семячко 1996. С. 533.

³³ РНБ, собр. Погодина, № 1608, л. 14 об.

«И пребывъ царь нѣколико дней въ Кашинѣ и заповѣдавъ церковь строити каменну, идѣже обрѣтено бысть тѣло блаженныя, сущему ту священноиерею тоя церкви, именемъ Василию, самъ же отходить въ царствующий свой градъ Москву <...>. Священникъ же Василий, тѣплъ убо вѣрою ко преподобнѣй и царское заповѣдание примѣ, вскорѣ касается дѣлу и... не во мнозѣ времени прекрасну церковь каменну воздвиже во имя пресвятыя Богородицы честнаго ея Успѣния, присовокупивше ину церковь об ону страну тоя церкви, во имя преподобныя благовѣрныя великия княгини инокини Анны. Доздѣ слово о перенесении честныхъ ея мощей небныхъ (так! — С. С.) мощей совершися».³⁴

Второй текст — челобитная только что упомянутого священника Василия (напомню, что это сын Василия-Варлаама, брат дьякона Никифора), черновой подлинник которой был обнаружен А. А. Титовым в Московском арсенале. Приведу ее полностью по публикации А. А. Титова.

«Царю государю и великому князю Феодору Алексеевичу, всеа Великия и Малыя и Бѣлыя России самодержцу, бѣтъ челомъ нищій богомольецъ твой, государевъ, Кашина города соборныя церкви Успения пресв. (так у А. А. Титова. — С. С.) Богородицы поппъ Васильище. Въ прошломъ, государь, 158 году отецъ твой, государевъ, блаженныя памяти великий государь царь и великий князь Алексѣй Михайловичъ, всеа Великия и Малыя и Бѣлыя России самодержецъ, изволилъ быть въ Кашинѣ и пренести мощи преподобныя благовѣрныя великия княгини Анны изъ древянныя соборныя церкви Успения пресвятыя Богородицы въ каменную соборную церковь къ Воскресению Христову, а на томъ мѣстѣ, гдѣ были тѣ мощи, указаль онъ, великий государь, устроить церковь каменную во имя Успения пресвятыя Богородицы, да придѣль преподобныя благовѣрныя великия княгини Анны. И та, государь, каменная церковь и придѣль построены и совершена совсѣмъ тому лѣтъ съ пятнадцать и больши, и стоитъ та соборная церковь не освященной и по сие время. И въ прошлыхъ, государь, годѣхъ мы, нищие, били челомъ отцу твоему, государеву, блаженныя памяти великому государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу, всеа Великия и Малыя и Бѣлыя России самодержцу, о освящении тое новыя церкви и о перенесении мощей преподобныя благовѣрныя великия княгини Анны на прежнее мѣсто, и онъ, великий государь, изволилъ было быть самъ въ Кашинѣ для освящения тое церкви и для перенесения мощей, а безъ себя, великаго государя, той церкви святить не указаль, и нынѣ, государь, безъ твоего, великаго государя, указу той соборной церкви святить не смѣемъ.

Милосердный государь царь и великий князь Феодор Алексѣевичъ, всеа Великия и Малыя и Бѣлыя России самодержецъ, пожалуй меня, нищаго своего, государева, богомольца, вели, государь, въ Кашинѣ соборную церковь Успения пресвятыя Богородицы и придѣль преподобныя благовѣрныя великия княгини Анны освятить и цѣльбоносныя мощи перенести на прежнее мѣсто, гдѣ прежь сего были, кому ты, великий государь, укажешь. Царь государь, смилуйся, пожалуй».³⁵

Сравнение этих двух текстов позволяет выдвинуть предположение, что создание Слова о перенесении мощей тесно связано с деятельностью священника Василия, который на протяжении многих лет пытался организовать освящение новопостроенной церкви и перенос в нее мощей кня-

³⁴ РНБ, собр. Вяземского, Q.50, л. 53 об.—54. Цитирую по этой рукописи, так как рукопись ГИМ, Синодальное собр., № 622 для меня пока недоступна.

³⁵ Житие Анны Кашинской по Синодальной рукописи XVII в. С. II—III. (Расстановка знаков препинания и заглавных букв моя. — С. С.)

гини Анны. Вероятно, в связи с этим и появляется чудо с гробом Анны Кашинской, которое должно было свидетельствовать о желании самой новоявленной святой, чтобы ее мощи покоились в Успенской церкви. Вероятно, Слово о перенесении мощей было сочинено специально для отправки в Москву. Оно не могло быть написано при жизни царя Алексея Михайловича, который прекрасно знал, что происходило во время перенесения мощей. Судя по всему, по времени создания оно вполне соотносимо с приведенной выше челобитной, и наиболее вероятный его автор сам поп Василий.

Что касается Повести о чудесах Анны Кашинской, то автор ее известен, он же записывал и многие чудеса, и сам сообщил о своей деятельности на следствии. «А чюдеса, де, благовѣрные великие княгини Анны писалъ онъ, Никифор, будучи в Кашине, кто что скажет подлинствомъ. А у которых чюдес есть предисловие, и то, де, онъ, Никифор, писал от своего разума, для того, чтоб было слагателнее».³⁶ Порядок записи чудес и их варианты будут рассмотрены позднее. Сейчас же следует сказать, что оформление чудес с помощью Повести о чудесах было, скорее всего, современно написанию Слова о перенесении мощей. Тогда же новонаписанные тексты были соединены с уже существовавшим циклом. Т. е. окончательное формирование (агиографического цикла, посвященного Анне Кашинской, было связано с отправкой в Москву прошения о разрешении освящения Успенской церкви и перенесения в нее мощей благоверной княгини. Судя по всему, специально для отправки в Москву была переписана рукопись со службой Анне Кашинской и агиографическим циклом (ныне ГИМ, Синодальное собр., № 622). Время оформления агиографического цикла братьями Василием и Никифором можно определить с точностью до года: после смерти царя Алексея Михайловича в январе 1676 г. и до февраля 1677 г., когда указанная рукопись уже послужила предметом обсуждения на церковном соборе.

³⁶ РНБ, собр. Погодина, № 1608, л. 17.